

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

РАЗГРУЗКА была закончена. У приземистых, длинных пакгаузов Петроградского порта высились груды мешков и ящиков. Опустевший пароход поднимался над краем причала слабо освещенной громадой. Горизонт на востоке заметно розовел — приближалось утро, морозное утро зимы 1921 года. С Финского залива тянуло пробирающей до костей сыростью, и студенты зябли в скудной одежке. Кое-кто, грея руки, курил в кулак. Пришел стивидор.

— Ну, политехнический, шабаш! Крепко поработали!

До общежития на Васильевском шли шумной гурьбой. Еще бы! Во-первых, студенческая бригада опередила грузчиков-профессионалов. А, во-вторых, это был верный заработок — платили продуктами. И тот, кто помнит эти времена, знает, что значила буханка хлеба, котелок картошки или десяток добротной сушеной воблы...

— Слышь, Борис! Чирков! Ты чего это замечтался? Или нездоров?

— Да нет... Так что-то...

Засунув руки в карманы кацавейки, парень шагнул, опустив голову. Покрывший булыжник снежный наст похрустывал под ногами. И этот слабый хруст словно настойчиво твердил что-то, заставлял вспомнить. Ну, да. Так и есть — тогда, три с лишним года назад, он скрипел точно так же. В тот день ученика школы второй ступени горького Нюлинска Вятской губернии Бориса Чиркова пригласили в клуб общества «Трезвость», где любители ставили пьесу Островского «Гроза». Пригласили на роль... суфлера.

Интересно начавшийся вечер закончился для юного суфлера плачевно: увлекшись спектаклем и напряженно следя за развитием действия, Чирков забыл, что он сам не на сцене, а в суфлерской раковине. И зрители, и актеры были

ошеломлены, когда услышали молодой голос, громко произносящий реплики с причитающейся им интонацией. Суфлер не подсказывал, суфлер играл. И возмущенные любители изгнали его.

Правда, несколько позднее Чиркова простили и даже разрешили участвовать в спектакле «Ревизор». К тому времени клуб был переименован в Народный дом, и ведущее место в труппе актеров-любителей заняла молодежь. Об этих спектаклях писала местная газета. Что ж, это было понятно — культурная жизнь провинциального городка не могла похвастаться обилием событий. А бывший ученик, ныне учитель естественной истории в школе первой ступени, Борис Чирков показывал явное сценическое дарование. Потом были поездки с агитбригадой по уезду, выступления по путевке укома в глухих селах. Потом Чирков уехал в Петроград. Надо было думать о том, чтобы занять в жизни свое место.

Нет, не о сцене думал нюлинский паренек, приехав в город на Неве. Спектакли, аплодисменты небольшого, плохо освещенного зала, роли — все это казалось забавой, игрой, плохой удачей. Страна начинала преодолевать разруху, и

все разговоры, все мысли людей были пронизаны далеко не поэтическими понятиями — хлеб, металл, строительство, машины... Борис Чирков стал студентом так называемого практического политехнического института. Занимались, ночами разгружали пароходы. Но память снова и снова настойчиво возвращала Чиркова к далекому вечеру в Народном доме, к свету рампы, к полной таинственности очарования жизни актера.

...Когда студенты подошли к общежитию, совсем рассвело. На ступеньках выглянул заспанный староста:

— Чирков, тебя тут товарищи ждут. С вечера. Из Нюлинска, что ли...

Скрип двери, радостные восклицания, торопливые объятия, первые сбивчивые слова. Друзья по спектаклям в Народном доме, по агитпоездкам, друзья детства и юности приехали в Питер и, конечно, пришли к Борису. Говорили обо всем — о политике, о новостях, о будущем, но больше всего — о том, что Чирков не имеет права забывать о своем несомненном таланте артиста. Большую пользу народу человек принесет тогда, когда станет трудиться по

призванию, а не просто потому, что судьбе было угодно метнуть его на то или иное жизненное поприще. Когда поднялось солнце, было решено — Борис Чирков поступит в институт сценических искусств.

...Зритель приходит в кино или театр, смотрит на экран или сцену, горюет, радуется, негодует и торжествует вместе с полюбившимся ему артистом и уходит, от души благодарный ему за талант. Узнав из газеты о присвоении артисту почетного звания, зритель удовлетворенно улыбается, мысленно поздравляет его. Да, артистов, работников искусства у нас любят, знают, ценят. Но немногие из зрителей по-настоящему задумаются о том нелегком, большом пути, которым идет артист к вершинам мастерства, к общепризнанному признанию и любви.

Увидишь на стене рекламу нового фильма, услышишь оброненную кем-то восторженную фразу: «Чирков играет. Здорово!», — и тотчас же в памяти встанут кадры «Юности Максима», «Александра Пархоменко», «Верных друзей» и многих, многих других фильмов. Вместе с растущим поколением тридцатых годов рос, креп и мужал талант Бориса

Чиркова. Парень с пионерской заставы в трилогии о Максиме, солдат-фронтовик в «Трех встречах» и десятки других персонажей покоряют зрителя обаянием простоты и искренности, подлинной народностью образов. А это и есть то, что так нужно и так дорого людям. Но все это не пришло само, все было достигнуто упорным, самоотверженным трудом. Трудом, который не прерывается ни на день.

В двадцатых годах Борис Чирков был приглашен в Ленинградский театр юного зрителя, а в 1928 году впервые снимался в нем в фильме «Родной брат». Фильм рассказывал о человеке, которого перевоспитывала рабочая среда, о переломе в сознании простого крестьянина. Но специфика работы киноактера резко отличается от просто сценической работы. И первое время Чиркову казалось, что этот путь не для него, что воплощенные на экране образы неудачны, бледны. Но снова и снова шли съемки, снова и снова просматривались кадры. И настал день, когда Борис Чирков понял, что волшебный мир кинематографа стал близок ему и дорог. С тех пор Борис Чирков снялся в пятидесяти фильмах, его знают и любят миллионы зрителей. Он — автор нескольких книг об актерском мастерстве. А сейчас, как режиссер, работает над своеобразным и интересным спектаклем по сказкам А. С. Пушкина «У лукоморья», который будет поставлен Московским драматическим театром име-

ни А. С. Пушкина в ближайшее время.

...В Сочинском государственном театре идет репетиция пьесы Константина Федина «Дневник женщины». В роли Порогова — народный артист СССР, лауреат Государственной премии Борис Чирков.

И всего несколько минут назад добродушный, искрящийся юмором, сейчас, на сцене, артист становится совершенно иным человеком — с железной волей, непреклонным характером, суровым и жестким к себе и к людям. И в этот образ веришь сразу, до конца. Такая правдивость, сила изображения доступны только большому артисту. И невольно вспоминаешь слова самого Бориса Чиркова, которые ярче всего характеризуют его сценическую и жизненную сущность: «...Знать жизнь, знать и понимать людей — не такое простое и легкое дело, для этого надо трудиться долго и упорно. Постоянно! И не ограничивать себя нормами рабочего времени, а работать с утра до ночи, не давая себе поблажки ни в праздник, ни в будни, ни при усталости, ни во время болезни».

В. ЗОРИН.

Фото А. ХУДЯКОВА.

Путь к СЕРДЦУ